

Проблемы методологии юридической науки

К вопросу о междисциплинарном подходе в государственно-правовых исследованиях

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости расширения междисциплинарных связей юридической науки и ее выходе за пределы социокультурного контекста, в котором чаще всего и исследуются государственно-правовые явления. На примере данных эволюционной биологии, когнитивной и эволюционной психологий, а также ряда других направлений современного научного познания обозначаются вопросы, которые могут и должны стать предметом осмысления учеными-правоведами. Одновременно обращается внимание на актуальность принципа трансдисциплинарности в познании окружающего мира, в том числе при исследовании права и государства.

Определяются некоторые перспективные направления междисциплинарных исследований правового поведения человека и государственно-правового регулирования. В частности, обозначается влияние неконтролируемой сознанием системы интуитивных умозаключений, выработанной в ходе биологической эволюции, на процесс отбора и восприятия значимой информации (в том числе предрасположенность к усвоению морали); на способность человека формировать различные объединения и врожденные механизмы распознавания общественных союзов (коалиций) и контроля за верностью им, на встроенные в сознание шаблоны обмена и чувство справедливости.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, трансдисциплинарный подход, методология познания, постнеклассическая наука, право, государство, эволюционная биология, когнитивная психология, эволюционная психология, спонтанный реализм, мышление, сознание, информация, интуитивные умозаключения, коалиционная психология, справедливость, престижная экономика.

**Елена Владимировна
КИРДЯШОВА,**

доцент кафедры
теории государства и
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

**elena.kirdyashova@
yandex.ru**

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.041-051

Elena V. KIRDYASHOVA,*Associate Professor of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor****elena.kirdyashova@yandex.ru****9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993*

Towards an Interdisciplinary Approach in Public Legal Research

Abstract. *The article raises the question of the need to expand interdisciplinary links of legal science and its output beyond the socio-cultural context, in which the state-legal phenomena are most often studied. On the example of the data of evolutionary biology, cognitive and evolutionary psychology, as well as a number of other directions of modern scientific knowledge, the issues that can and should become a subject of reflection for legal scientists are outlined. At the same time, attention is drawn to the relevance of the principle of transdisciplinarity in the knowledge of the world around, including the study of law and state.*

Some perspective directions of interdisciplinary research of human legal behavior and state-legal regulation are defined. In particular, the influence of the system of intuitive inferences is developed in the course of biological evolution and is not controlled by consciousness on the process of selection and perception of meaningful information (including predisposition to learning morality), on the ability of a person to form various associations and innate mechanisms of recognizing social alliances (coalitions) and control over loyalty to them, on the built-in in the mind patterns of exchange and sense of justice are outlined.

Keywords: *interdisciplinary approach, transdisciplinary approach, cognitive methodology, post-non-classical science, law, state, evolutionary biology, cognitive psychology, evolutionary psychology, spontaneous realism, thinking, consciousness, information, intuitive inferences, coalition psychology, justice, prestige economy.*

Научная деятельность, направленная на познание государственно-правовых явлений, представляет собой *динамический процесс*. Динамика эта обусловлена не только историчностью предмета исследования, но и развитием науки в целом. Особо необходимо отметить, что государственно-правовые явления, входящие в объект познания юридической науки, сами по себе сложны и неотделимы от мира социального взаимодействия в целом. Это в принципе исключает возможность обособления исследователя от контекста, в котором эти явления только и существуют. Соответственно междисциплинарное сотрудничество и включение принципов *комплексности* и *всесторонности* исследования в методологию познания юридической науки неизбежны.

Состояние дел в юридической науке и перспективы ее развития в целом вполне соответствуют общим тенденциям развития научного знания, выявленного

философией науки, подразумевающим существование *классической, неклассической и постнеклассической науки*¹. Причем именно для последнего этапа научного познания характерен принцип *междисциплинарности*. Это еще раз подтверждает в определенной степени прогрессивный характер социальных исследований по сравнению с исследованиями естественно-научными, которые только сейчас активно обратились к идее «человекоразмерности».

Постнеклассическая наука, наряду с междисциплинарным подходом, ориентирует ученое сообщество и на *трансдисциплинарность*. В осуществлении этого принципа есть, однако, некоторые сложности ввиду отсутствия однозначного понимания того, какие теории в состоянии принять на себя ответственность за формирование единой картины мира. На эту тенденцию развития познавательной деятельности юридической науке надо обратить особое внимание.

В теоретико-правовой науке междисциплинарный подход чаще всего проявлялся двояко². С одной стороны, государственно-правовые явления начинали рассматривать как частный случай чего-то более емкого, и не только юридического, что позволяло для их исследования задействовать в том числе те методы, которые были разработаны соответствующими направлениями наук, а также их понятийно-категориальный аппарат³. С другой стороны, юридическая наука могла использовать непосредственно знания, полученные и систематизированные коллегами из других областей, а также проводить с ними совместные исследования. Например, данные археологии или этнографии были задействованы для теоретико-правового анализа органов власти и социальных регуляторов первобытного общества и выявления причин и закономерностей появления права и государства⁴.

В итоге возникали отдельные промежуточные направления научного познания, например юридическая антропология. Более того, представляется, что игнорирование материалов различных направлений научных исследований, так или иначе пересекающихся с государственно-правовыми явлениями или иным образом затрагивающих их, юридической наукой в принципе неуместно и недопустимо, поскольку соответствующие знания могут дать новую информацию для размышления, подтвердить или опровергнуть сделанные правоведами выводы, что в итоге и развивает науку.

¹ См., например: Постнеклассика: философия, наука, культура : коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009 ; *Степин В. С.* История и философия науки. М. : Академический проект, 2014.

² В работах современных исследователей называются и другие формы междисциплинарности при проведении юридических исследований. См., например: *Затонский В. А.* Междисциплинарный подход — методологическая основа определения эффективности права и правоприменения // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3.

³ См., например: *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012.

⁴ См., например: *Венгеров А. Б.* Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 28—36 ; *Венгеров А. Б., Куббель Л. Е., Першиц А. И.* Этнография и науки о государстве и праве // Вестник Академии наук СССР. 1984. № 10. С. 88—101 ; *Венгеров А. Б.* Законодательство и этнические процессы в советском обществе (методологический аспект) // Труды ВНИИ советского законодательства. 1983. № 26.

Здесь, однако, существует необходимость четкого понимания того, с какими науками в первую очередь надо наладить такое междисциплинарное взаимодействие (и, скорее всего, их перечень не будет неизменным). Это не означает, что все проводимые юридической наукой исследования должны быть по определению междисциплинарными и осуществляться как юристами, так и специалистами из других областей. Юридическая наука просто не может не учитывать данные других общественных и естественных наук, если они так или иначе имеют выход на интересующую ее проблематику. Между тем даже содержание параграфов учебников о месте теории государства и права в системе общественных и юридических наук (исходя из традиционно предложенного там перечня) уже подразумевает некоторую ограниченность научных контактов.

Междисциплинарное сотрудничество юридической науки имеет, однако, не только теоретическое, но и практическое значение. Оно способствует и углублению научных знаний, и совершенствованию правового регулирования общественных отношений. В качестве иллюстрации существующей проблемы, а заодно и демонстрации потенциала развития юридической (в первую очередь, теоретико-правовой) науки, хотелось бы обратиться к *эволюционной биологии*, а также *эволюционной и когнитивной психологиям*, некоторые данные которых представляются весьма любопытными для ученых-правоведов и нуждаются в осмыслении.

В принципе, взаимодействие с психологией для теории государства и права не ново. Однако эволюционная психология и психология когнитивная (будучи относительно молодыми и весьма обособленными направлениями современной психологии) очевидного присутствия в теоретико-правовой науке пока не получили. С эволюционной биологией юридическая наука каких-то очевидных пересечений пока тоже не имеет. Правоведы обычно ограничиваются констатацией наличия факта антропогенеза и появления на определенном его этапе человека разумного. В дальнейшем их внимание переключается на *политогенез* или *социогенез*.

С учетом социального характера юридической науки это вполне оправданная постановка вопроса — государственно-правовые явления присутствуют только в общественной жизни. Однако, перейдя от состояния первобытного стада или праобщины к раннепервобытной родовой общине, человек не перестает быть человеком. Человечество же в исследовательских целях на определенном этапе позволило себе разделить биологическое и социальное, утверждая в том числе, что при помощи разума человек смог победить и подчинить своей воле и своему сознанию свои природные инстинкты.

Эволюционная биология утверждает, что мозг человека эволюционировал так же, как и весь его организм, и эта эволюция внесла свой вклад в сохранение нашего биологического вида. Посредством этой естественной науки показывается, какие специфические черты и особенности по сравнению с другим живым миром приобрел человек для своего выживания и размножения. Генетика доказывает, что из всей окружающей организм информации генами передавалась и передается лишь та, которая не является внешней, предзаданной и постоянно существующей. В генетической памяти отражаются только внутренние, обеспечивающие приспособление вида сведения.

Таким образом, с одной стороны, человек способен воспринять много разной информации, но, с другой стороны, в ходе эволюции у него выработалась особая

система ее распознавания, позволяющая вычленять из всего информационного потока значимую, полезную для него, обеспечивающую сохранение вида. И система эта совершенствуется по мере эволюции человека, а также в процессе его обучения. Полученные данные позволяют утверждать, что в ходе биологического развития природа снабжает нас таким способом мышления (именуемым философами *спонтанным* или *наивным реализмом*), который мы (не осознавая того) задействуем для извлечения значимой с точки зрения эволюции информации⁵.

Это своеобразная *операционная система*, установленная природой на наш суперкомпьютер — разум. Именно она имеет решающее значение в процессе восприятия сознанием окружающего мира, позволяя видеть то, что мы можем и должны видеть с точки зрения эволюционного отбора. Причем подчеркнем: разум — это *самообучающийся суперкомпьютер*. В таком видении мышления и познавательного процесса, собственно, и состоит основная идея когнитивной психологии.

Поскольку первобытное состояние общества составляет значительно больший промежуток времени существования человека, очевидно, что система распознавания информации и иные компоненты его «врожденной» операционной системы были сформированы именно в обществе догосударственном, но, став элементом приспособления в эволюционном отборе и результатом борьбы видов, они сохранились и, не находясь под контролем сознания, что называется «по умолчанию», используются нами сегодня и будут использоваться впредь, пока в работе мозга не произойдут соответствующие эволюционные изменения.

Таким образом, привычную материализму идею определения сознания материей можно развить, отметив, что наше отражение окружающего мира более сложно связано с природой человека — оно развивалось и является благодаря эволюции в определенной степени избирательным, предзаданным, оказывающим обратное воздействие на процесс восприятия материи.

Для конкретизации исследования воспользуемся не так давно опубликованной работой Паскаля Буайе⁶, в которой использованы и на основании междисциплинарного подхода проанализированы отдельные представляющие для юридической науки интерес положения *эволюционной биологии* и *когнитивной психологии*, сопровождающиеся данными *археологии*, *антропологии*, *экономики* и многих других областей науки⁷. Ученый полагает, что именно «на стыке ряда наук, в том числе эволюционной биологии, генетики, когнитивной психологии и экономики, формируется целостное понимание человеческого поведения»⁸, что

⁵ См., например: Селларс У. Эмпиризм и философия сознания. СПб., 2021 ; Sellars W. Science, Perception and Reality. London, 1963.

⁶ Отечественные исследователи также работают в соответствующих направлениях. См., например: Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы. М., 2010 ; Он же. Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 45—56.

⁷ Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М., 2019. 436 с.

⁸ Буайе П. Указ. соч. С. 9.

весьма важно для анализа сложившихся социальных практик и их институтов (включая право и государство). Формирование такой *междисциплинарной теории поведения*, вероятно, задача будущего, но юридическая наука не может не учитывать появление этого направления исследования.

В принципе, любой вопрос, поставленный в книге П. Буайе, достоин внимания со стороны науки юридической, но в связи с ограниченностью объема статьи остановимся лишь на некоторых.

Ранее уже отмечалась выявленная наукой способность человека распознавать и воспринимать значимую для него информацию, выработанная в результате биологической эволюции. Развивая идею, исследователь утверждает, что «в наше мышление включена система обучения морали, детектор, позволяющий найти в окружающем мире нравственно значимую информацию»⁹. Более того, ученый полагает, что «представление о ребенке, просто вбирающем моральные установки принятой культуры посредством наблюдения и обобщения, — опасное заблуждение»¹⁰. Человек в силу природы может и готов распознавать и воспринимать соответствующую информацию. Причем у некоторых психически нездоровых людей такая врожденная способность отсутствует.

В целом же научение П. Буайе считает возможным благодаря набору «психических механизмов», которые он называет «*система интуитивных умозаключений*» (по-другому — «модули» или «предметно-ориентированные системы»)¹¹, для которых характерны следующие черты: они функционируют преимущественно «вне поля сознания» и являются «интуитивными»; «являются специализированными»; формируются в ходе эволюции в качестве свойства нашего вида¹².

Таким образом, в психике человека *заложена* определенная *система умозаключений*, которая рассматривается как его адаптация к условиям внешней среды, и именно посредством этой системы человек выбирает и усваивает эволюционно значимую информацию, *не контролируя* своим *сознанием* работу самого механизма. Исходя из этого, исследователь предлагает *не антропоморфизировать* людей при определении причин их поступков, отмечая, что не следует разделять природу и культуру, врожденное и усвоенное.

Для современной юридической науки это достаточно неожиданный призыв. Все-таки мы привыкли рассматривать человека как существо, контролирующее свое поведение своей волей и своим сознанием. Однако, если человек обладает некоторыми врожденными природными предзаданностями, которые он не может контролировать своим сознанием и волей, но которые от этого не утрачивают своей работоспособности, вряд ли это обстоятельство следует игнорировать при исследовании поведения человека. Можно предположить, что указанное свойство разума требует осмысления юридической наукой на предмет субъектности субъекта в рамках его правового поведения и возможности разработки комплекса мероприятий по дезавуированию или хотя бы корректировке

⁹ Буайе П. Указ. соч. С. 29.

¹⁰ Буайе П. Указ. соч. С. 29.

¹¹ См., например: Barrett H. C. The Shape of Thought: How Mental Adaptations Evolve. Oxford, 2014.

¹² Буайе П. Указ. соч. С. 32—35.

соответствующих врожденных факторов. Хотя в этой части с природой вряд ли имеет смысл спорить.

Не менее любопытно выявленное обстоятельство и для теории познания. Получается, что соответствующая деятельность исследователя также может основываться на некоторых предрасположенностях. На первый взгляд это созвучно уже высказанной идее исчезновения субъекта познания¹³. Однако последнее обстоятельство обуславливается преимущественно социальными факторами, которые, если рассуждать в логике П. Буайе, не являются единственными.

Таким образом, познавательный процесс может быть поставлен в зависимость не только от культуры, но и от природы человека, какими бы намерениями он ни руководствовался, приступая к исследованию.

П. Буайе также предполагает, что частью *сформировавшегося в ходе эволюции* когнитивного механизма человека является и скрытый набор психологических качеств и предпочтений, обозначенных эволюционными психологами как *коалиционная психология*¹⁴, благодаря которой человек обладает способностью формировать разнообразные объединения, позволяющие ему обзавестись особым благом — общественной поддержкой, почувствовать себя «своим» в этой общности. Этим коалиция и отличается от иных форм объединений, существующих в мире людей, и именно коалиции выступают основой для возможных межгрупповых конфликтов.

Несмотря на то, что юридическая наука, в принципе, редко задействует категории «свой» — «чужой», не вызывает сомнения необходимость анализа права и государства в контексте определения предельной человеческой общности и атрибутов, ее фиксирующих. Проблема социального регулирования также связана с отношениями «свой» — «чужой», поскольку социальные регуляторы, используемые коллективом, работают только внутри него и на «чужих», как правило, не распространяются.

Коалиционная психология помогает понять, что объединяет людей в соответствующие коллективы. П. Буайе в качестве таковых предлагает: осознание общей цели, которую легче достичь вместе; готовность поступиться собственной выгодой ради общего блага и ожидание аналогичного поведения от членов коллектива; понимание того, что все члены коллектива ждут от него того же, что он ждет от них; восприятие затрат (выгод) соперничающей (конкурирующей) коалиции как свои собственные выгоды (затраты) с тем, чтобы попытаться их увеличить (или уменьшить)¹⁵. При этом *разум* способен *без участия сознания* производить все необходимые расчеты, связанные с коалициями, в которых участвует или планирует участвовать индивид.

Кроме того, коалиционная психология включает систему *распознавания* союзов, а также механизм *контроля* за верностью союзу (в том числе наказания). Еще раз подчеркнем: эти способности предлагается рассматривать в качестве врожденных. Представляется, что при исследовании государственно-организованного

¹³ См., например: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977 ; Бурдье П. Начала. М., 1994 ; Он же. Социология социального пространства. М., СПб., 2005.

¹⁴ Буайе П. Указ. соч. С. 58.

¹⁵ Буайе П. Указ. соч. С. 59—60.

общества соответствующий встроенный в сознание механизм помогает по-иному взглянуть на некоторые явления, в частности на право, государственную символику, аппарат принуждения, подспудно подразумеваемые человеком в качестве необходимых для функционирования этой коалиции сигналов.

Не менее любопытны и рассуждения П. Буайе на тему *справедливости* — у этого вопроса тоже обнаруживаются природные корни. В качестве предыстории ученый обращает внимание в том числе на следующие установленные факты. Во-первых, коллективными усилиями экономисты и биологи, эволюционные антропологи и эволюционные психологи¹⁶ пришли к выводу, что *сотрудничество*, к которому склонен человек, есть прямой результат нашего *эволюционного наследия*, поскольку «каждый может существенно выиграть за счет честного взаимовыгодного поведения»¹⁷ (следовательно, каждый из нас заинтересован в долгосрочном взаимодействии с «правильным» (честным) партнером). Сотрудничество осуществляется ради взаимной выгоды и предполагает возможность «выбора партнера»¹⁸. Во-вторых, будучи склонными к сотрудничеству, люди «участвовали в двух формах экономической деятельности, свойственной только людям, — они практиковали общий дележ и какие-то формы обмена с чужаками»¹⁹. Причем обе формы в идеале должны были быть выгодны человеку, вступившему в кооперацию.

По факту процесс дележа добычи в обществе присваивающей экономики со временем стал менее схематичен и более изыщен, нежели традиционно отмечаемое в юридической литературе уравнильное половозрастное распределение²⁰. Сложившиеся порядки позволяли в итоге не только удовлетворять потребности коллектива в пище, но и формировать репутацию конкретного человека-добытчика в качестве потенциального партнера для сотрудничества. Следует обратить внимание на так называемую *престижную экономику* первобытного общества, экономику *дарообмена*, в рамках которой осуществлялись распределение пищи, а впоследствии и обмен между коллективами²¹.

Существовавший *общественный дележ* не был связан исключительно с альтруизмом и стремлением помочь другим. Это *элемент приспособления*, благодаря которому у человека сформировалась *интуитивная система*, позволяющая ему оценивать информацию о присвоенном продукте, об участниках процесса и их вкладе, а также о личностях тех, кто претендует на распределение, подсознательно определяя справедливую (честную) долю каждого при распределении. Примечательно, что данный интуитивный механизм был выработан на опыте

¹⁶ См., например: Boyd R., Richerson P. J. Culture and the Evolutionary Process. Chicago. 1988 ; The Handbook of Evolutionary Psychology / David M. Buss (ed.). 2015. Vol. 1 : Foundation.

¹⁷ Буайе П. Указ. соч. С. 217.

¹⁸ Буайе П. Указ. соч. С. 220.

¹⁹ Буайе П. Указ. соч. С. 222.

²⁰ См., например: Gurven M. To Give and Give Not: The Behavioral Ecology of Human Food Transfers // Behavioral and Brain Sciences. 2004. 27 (4).

²¹ См., например: Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М., 2014. 720 с.

функционирования *малых групп* (т.е. личности участников и вклад каждого из них человеку известны).

Другая же форма экономической деятельности — *обмен* обладает некоторой спецификой. В принципе, это взаимодействие может возникнуть только тогда, когда у потенциальных участников контактов имеются разные блага, в которых заинтересованы контрагенты, а последние осознают возможность и выгоду обмена. Соответственно, такая форма взаимодействия для природы типичной не является. Тем не менее П. Буайе полагает возможным предположить, что частью нашей психики давно стал и *шаблон социального обмена*, встроенный в наши *подсознательные представления о торговле*²² (поскольку без развития у человека особых психологических способностей торговля не могла бы существовать).

В результате работы трех когнитивных систем (способность соотносить полезность товаров и услуг; способность определять статус их владельца (право собственности); способность выявлять тех, кто извлекает выгоду из сделки, ничего не заплатив по ней) у человека вырабатывается абстрактное представление о сути сделки, которое и образует этот шаблон. И он традиционно имеет не только *экономическое*, но и *социальное* наполнение (определяют репутацию, например, и, соответственно, предполагают социальную ответственность участника обмена).

Вторая составляющая — очень важный момент. Ученые отмечают, что широко известный сегодня тезис «бизнес — и ничего личного» является побочным эффектом исключительно рыночной экономики, а изначально «наш разум делает торговлю возможной, регулируя ее в соответствии со всем спектром моральных чувств и мотиваций, включая благодарность, расположение, зависть, неприязнь и возмущение эксплуатацией»²³. Соответственно, эволюционно выработанные механизмы мышления в части современного обмена и торговли сталкиваются с ситуациями, на которые они *не были рассчитаны*.

По мнению П. Буайе, «феномен масштабной кооперации не похож на другие социальные взаимодействия, известные человеческому разуму, — вот почему наши когнитивные системы с большим трудом осмысливают его»²⁴.

П. Буайе приходит к выводу, что системы интуитивных заключений, касающиеся обмена, вполне могут влиять «на формирование наших сознательных представлений о справедливости»²⁵. Естественно, они работают вкупе с социальными факторами. Психология обмена дает несколько таких систем, о некоторых из которых уже упоминалось.

Однако еще раз подчеркнем: системы разрабатывались применительно к малым группам и не были рассчитаны на современный уровень развития экономики, что не позволяет им на подсознательном уровне стопроцентно предопределить ответ на вопрос, что в современном обществе является справедливым. Но начала для формулирования ответа и постановки вопроса они все же дают.

Сам П. Буайе видит два главных пути, ведущих от интуитивной психологии к концепциям общества массового потребления. Первый исходит из того, что «люди

²² Буайе П. Указ. соч. С. 229.

²³ Буайе П. Указ. соч. С. 231.

²⁴ Буайе П. Указ. соч. С. 237.

²⁵ Буайе П. Указ. соч. С. 246.

имеют право на собственность, которой владеют на законных основаниях или которую они сами произвели, равно как и право на то, что приобретено в ходе добровольного обмена с другими свободными людьми»²⁶.

Ученый полагает, что сходные представления лежат в основе концепций справедливости Джона Локка и Роберта Нозика, замечая: «Второй подход... берет начало в интуитивных представлениях о совместных действиях и перераспределении, проецируя их на куда более сложную картину массового общества»²⁷. Наиболее четко эти критерии представлены в теории Джона Ролза. «Сталкиваясь друг с другом, предпочтения одной интуитивной системы (дележа) и другой порождают интуитивно предпочитаемую политику», — заключает П. Буайе²⁸. Причем он оптимистичен с точки зрения возможностей поиска путей обхода возникшего конфликта, отмечая при этом, что проблема тем не менее весьма сложная, не решаемая на интуитивном уровне.

Таким образом, нельзя сказать, что факт присутствия интуитивных умозаключений в представлениях индивида о справедливости позволяет найти окончательное решение вопроса о ее сути. Однако осознание того, что существующие в головах человечества идеи справедливости так или иначе связаны с эволюцией человека как биологического вида и его приспособлением к окружающему миру, показывает принципиальное значение справедливости для существования человека как такового, его поступков и коллективного образа жизни.

Исходя из вышеизложенного, представляется очевидным, что так или иначе воспринятые юридической наукой бихевиоризм, психоанализ, постмодернизм, структурализм и другие подходы научного исследования без данных эволюционной биологии, когнитивной и эволюционной психологии не позволяют сформировать целостную картину понимания поведения человека вообще и государственно-правового поведения в частности.

Изложенные в настоящей статье идеи данных дисциплин являются предварительными, требуют дальнейшей проработки. Однако даже в этом статусе они позволяют по-новому взглянуть на отдельные вопросы теоретико-правовой науки, связанные с человеком государственно-организованным, а также на теорию познания в целом. Не исключено, что могут потребоваться проведение совместных в организационном плане исследований, а также трансдисциплинарный анализ.

В заключение повторим, что в статье изложены лишь некоторые аспекты перспективных направлений исследований, проводимых в рамках юридической науки, толчком к которым могут и должны стать междисциплинарные контакты.

²⁶ Буайе П. Указ. соч. С. 247.

²⁷ Буайе П. Указ. соч. С. 247.

²⁸ Буайе П. Указ. соч. С. 253.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. — М., 2019. — 436 с.
2. Бурдые П. Начала. — М., 1994. — 288 с.
3. Бурдые П. Социология социального пространства. — М. ; СПб., 2005. — 288 с.
4. Венгеров А. Б. Законодательство и этнические процессы в советском обществе (методологический аспект) // Труды ВНИИ советского законодательства. — 1983. — № 26. — С. 12—26.
5. Венгеров А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. — 1983. — № 3. — С. 28—36.
6. Венгеров А. Б., Куббель Л. Е., Першиц А. И. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник Академии наук СССР. — 1984. — № 10. — С. 88—101.
7. Затонский В. А. Междисциплинарный подход — методологическая основа определения эффективности права и правоприменения // Государственно-правовые исследования. — 2020. — № 3. — С. 392—397.
8. Марков А. Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. — 2009. — № 1. — С. 45—56.
9. Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы. — М., 2014. — 528 с.
10. Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. — СПб., 2009. — 671 с.
11. Селларс У. Эмпиризм и философия сознания. — СПб., 2021. — 218 с.
12. Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). — М., 2014. — 720 с.
13. Степин В. С. История и философия науки. — М., 2017. — 424 с.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М., 1977. — 488 с.
15. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. — СПб., 2012. — 650 с.
16. Barrett H. C. The Shape of Thought: How Mental Adaptations Evolve. — Oxford, 2015. — 416 p.
17. Boyd R., Richerson P. J. Culture and the Evolutionary Process. — Chicago, 1988. — 339 p.
18. Gurven M. To Give and Give Not: The Behavioral Ecology of Human Food Transfers // Behavioral and Brain Sciences. — 2004. — Vol. 27. — № 4. — P. 543—560.
19. Sellars W. Science, Perception and Reality. — London, 1963. — 366 p.
20. Tooby J., Cosmides L. Conceptual Foundations of Evolutionary Psychology // The Handbook of Evolutionary Psychology / David M. Buss (ed.). — 2015. — Vol. 1 : Foundation. — P. 5—67.

